ПОЛЕССКАЯ КАРТОТЕКА

ДЕСЯТЫЙ ПРИБОР

Дело № 1

Никита Соколов

Никита Соколов
Десятый прибор

https://litres.ru/74719163
SelfPub; 2026

Аннотация

Архивист Никита Соколов приехал в глухую деревню Крутой Брод, чтобы подписать одну простую бумагу - молодой мужчина утонул в колодце, несчастный случай, осталось только собрать подписи родственников и поставить печать.

Но на девятый день поминок Соколов замечает странности:

На столе накрыто на девять человек, но приборов десять.

Хозяйка говорит «поставили просто так», но ставит лишний прибор вот уже двадцать лет.

Часы на стене тикают, но стрелки застыли на без десяти девять.

А в закрытом колодце, из которого летом ушла вода, вдруг отчетливо плещет вода.

Никита начинает расследование и понимает, что деревня живет по древним законам - за старым срубом тянется долг, который передается из поколения в поколение, и Соколову придется самому влезть в этот долг по горло.

Он найдет виновного, но кто-то уже нашел его самого - в его сумке лежит карточка с грифом «Дело 2», а на ней выведено его имя.

Первая книга цикла «Полесская картотека».

Никита Соколов
Десятый прибор

Никита подошёл к двери в начале шестого. Сени пахли мокрой шерстью и кислой капустой; на гвозде у входа висел чей-то ватник, под ним стояли сапоги, шесть пар, и одна лежала на боку. Он поставил её ровно, сам не заметив, как.

В горнице горела лампа под жёлтым абажуром, хотя за окном ещё не стемнело. Стол вытянули от стены к печи, застелили двумя скатертями, и стык между ними пришёлся как раз посередине.

— Добрый вечер, — сказал он.

— И вам, — ответила хозяйка.

Она стояла у печи, вытирала руки о фартук. Домна Игнатьевна, так её назвали в сельсовете, шестьдесят с лишним, сухая, с тёмным платком, завязанным под подбородком, а не на затылке. Так вдовы носят первый год. Дочь она не потеряла, потеряла зятя, но платок был завязан по-вдовьему, и он отметил это и ничего не сказал.

— Проходите, садитесь. Вот сюда, с краю, чтоб не дуло.

Он сел. Портфель поставил у ножки стула. За столом сидели люди, и они не стали разговаривать при нём громче и не замолчали, а продолжили негромко то, что говорили до него: про сено, про то, что в этом году рано выпал снег и не вся картошка выбрана. Кто-то передавал соль. Кто-то пере-

давал миску с холодцом и не смотрел, кому передаёт.

Он выждал, пока Домна Игнатьевна поставит перед ним тарелку с кутьёй, и достал из портфеля папку. Бумагу вынул одну, на одном листе, заключение и графа для подписи. Положил на скатерть рядом с хлебницей и развернул к хозяйке.

— Это насчёт Сергея. Вы знаете. Нужны подписи родственников, что претензий нет. Я не тороплю, после стола.

Никто не потянулся к листу. Мужик в сером свитере, сидевший напротив, посмотрел на бумагу, потом на хозяйку, и так же посмотрела его жена, и так же посмотрел старик у окна. Три головы повернулись в одну сторону. Домна Игнатьевна вытерла руки ещё раз, хотя они уже были сухими.

— После стола, конечно, — сказала она. — Кто ж за столом подписывает.

Он убрал лист в папку. Это было нетрудно, лист ничего не весил.

Девятый день. Он считал это привычкой, а не расчётом: войдя в комнату, сначала сосчитать людей, потом выходы, потом то, что лежит на столе. Людей было восемь, не считая хозяйки, которая не садилась. Он вёл счёт слева направо: старик у окна, мужик в свитере и его жена, две женщины в одинаковых коричневых кофтах, должно быть, сёстры, парень лет двадцати с подстриженной по-армейски головой, девочка, которой не дали бы и двенадцати, и пожилая женщина в углу у печи, с палкой между колен. Восемь. Он сам девятый. Хозяйка у печи не в счёт.

Приборов было десять.

Он сосчитал ещё раз, не поворачивая головы, по отражению в стекле буфета. Тарелки, ложки, гранёные стаканы. Девять мест занято. Десятое, у торца, спиной к печи, стояло пустым: тарелка, ложка, стакан, нож с чёрной ручкой. Стул был отодвинут от стола на ладонь, как отодвигают для человека, который вот-вот сядет.

Хозяйка поймала его взгляд. Она поймала его не сразу, а выждав, пока он сам закончит считать.

— Поставили просто так, — сказала она.

— Бывает, — сказал он.

— Руки сами. Двадцать лет всё на десять накрываю, привычка.

Он достал блокнот и записал: «10 приборов — 20 лет». Домна Игнатьевна видела, но ничего не сказала. Он взял ложку и стал есть кутью. Кутья была сладкая, с мёдом и изюмом, и в ней попадались зёрна, не разваренные до конца. Он ел медленно и смотрел на хлеб.

Хлеб лежал в плетёной хлебнице посреди стола, чёрный, нарезанный толстыми ломтями, с блестящей коркой. Его брали. Старик у окна взял ломоть и отломил край. Мужик в свитере взял, жена его взяла. Сёстры, не глядя, взяли оба. Мальчишка с армейской стрижкой взял два.

Девочка хлеб не взяла. Она сидела прямо, с руками на коленях, перед ней стояла тарелка с кутьёй, и ложка лежала поперёк тарелки нетронутая. Когда хлебница оказалась рядом,

она подвинула её локтем дальше, как двигают чужую вещь, чтоб не мешала. И старуха в углу, у печи, тоже не брала хлеб. Ей поднесли ломоть на тарелке, она кивнула, поставила тарелку рядом на лавку и накрыла сверху платком. Не отказалась. Спрятала.

Он отметил это. Двое. Девочка и старуха, самая младшая и самая старая.

— Вы, Никита Павлович, на машине? — спросил мужик в свитере.

— Автобусом до Лунинца, потом попутка.

— Ночевать где будете?

— Мне сказали, у вас есть пустая хата.

— У Ярошей. Там чисто, — вставила жена. — Мы топили в среду.

— Спасибо.

Разговор перешёл на дорогу, на то, что мост у Заречья опять подмыло, потом на цены на комбикорм. Он слушал и поддакивал. Об одном месте за этим столом не говорили. Обходили, как яму на дороге.

Хозяйка принесла горячее. Борщ с белой фасолью, в котором плавала косточка. Она разлила его по тарелкам, и когда дошла до десятого прибора, то остановилась, держа половник над пустой тарелкой, потом поставила половник обратно в кастрюлю.

— Сергея любили, — сказал он, глядя в тарелку. Это не было вопросом.

— Любили, — согласилась она. — Хороший был, работящий. Колодец сам рыл. Тот, второй.

— Второй?

— Первый-то старый, при деде ещё. Он в этом году вода ушла, Сергей новый стал рыть. Рядом. А старый закрыл.

— Закрыл чем?

— Досками. Камнем придавил.

— А утонул в каком?

Он спросил это ровно, и пожалел, что спросил. Это было почти прямым вопросом, а он обещал себе не спрашивать. Домна Игнатьевна не вздрогнула. Она села наконец, на табурет у печи, и сложила руки на фартуке.

— В старом, — сказала она.

Мужик в свитере кашлянул. Девочка подняла голову и посмотрела на хозяйку, не на него, и тут же опустила.

— Досками, говорите, закрыт был.

— Закрыт.

— Тогда как он туда…

— Никита Павлович, — сказала она спокойно, — вы ешьте. Остынет.

Он ел. Борщ был хороший, наваристый, с дымком. Он поймал себя на том, что ест быстро, как человек, который не хочет оставаться с пустой ложкой в руке. Он положил ложку.

— Я не следователь больше, — сказал он. — Вы знаете. Я теперь бумаги разбираю. Мне просто нужно, чтоб бумага была в порядке.

— Знаю, — сказала хозяйка. — Вы подпишите, и в порядке будет.

— Я подпишу, когда родные подпишут.

— Подпишут.

— Все?

— Кто должен, подпишет.

Он посмотрел на неё. Она выдержала взгляд без вызова и без просьбы. «Кто должен». Не «все», не «мы».

— Зять был не из здешних? — спросил он, и на этот раз вопрос был почти бытовой.

— Из Пинска. Приехал к Ларисе, женился, остался.

— Лариса — ваша дочь?

— Была, — сказала Домна Игнатьевна. — Уехала. В Пинск, к своим.

Это прозвучало так же ровно, как всё остальное. За столом стало тихо ненадолго, на вдох, потом мальчишка с армейской стрижкой потянулся за хлебом, и все снова зашевелились, заговорили, зазвенели ложками.

Лариса. Её на столе не было. Девять мест были заняты живыми, десятое пустовало. Но Лариса, если уехала, почему её нет на девятом дне? В свидетельстве о смерти Сергея она значилась как заявитель. Бумага пришла из сельсовета три недели назад, и подпись там стояла живая, с нажимом, с хвостиком на последней букве. Он помнил эту подпись.

Он ничего не сказал.

Принесли чай. Хозяйка налила ему в стакан в железном

подстаканнике, и подстаканник был горячий, а стакан тёплый. Он обхватил его ладонями. Дом был натоплен, печь дышала, лампа грела потолок. Пот выступил у него на спине под рубашкой.

Он поставил стакан и положил ладонь на скатерть, ближе к торцу стола. Не нарочно, просто вытянул руку к сахарнице.

Скатерть у десятого прибора была холодная.

Не прохладная, как бывает у окна, а холодная, как камень. Он провёл пальцами по ткани. Холод шёл не от пола и не от стены. Он лежал на скатерти пятном размером с тарелку, ровным кругом, и край круга был резкий: сдвинь руку на два пальца, и снова тепло. Он убрал руку и посмотрел на свои пальцы. Они не покраснели, не онемели, они просто помнили.

Нож с чёрной ручкой лежал справа от тарелки, лезвием к тарелке, как положено. Только на ручке выступили капли. Мелкие, как на стакане с холодной водой в жару. Он смотрел на них и ждал, что кто-нибудь заметит. Никто не заметил, или все заметили и смотрели в другую сторону.

В углу, у печи, старуха шевельнулась. Палка стукнула об пол. Она наклонилась и положила на лавку, рядом с накрытым платком хлебом, горсть соли из кармана. Положила и накрыла ладонью. Домна Игнатьевна видела это, и никто ничего не сказал.

Часы на стене, ходики с гирькой в виде шишки, тикали громко, и он слышал их всё время. Он взглянул на них, что-

бы узнать время.

Стрелки показывали без десяти девять. Он взглянул на свои, на запястье. Было двадцать минут седьмого.

Ходики шли. Маятник качался, гирька висела на цепочке, и тиканье не сбивалось. Но стрелки стояли, и секундной не было, потому что у ходиков её нет. Они тикали и стояли одновременно.

— Часы у вас спешат, — сказал он, не думая.

— Они не спешат, — ответила Домна Игнатьевна. Она не обернулась. — Они с утра так. С того, как он ушёл.

— С чего?

Она встала, подошла к столу и стала собирать пустые тарелки. Когда она оказалась у торца, у десятого прибора, то обошла его. Не задев стула, не коснувшись скатерти.

Из сеней донёсся звук. Он не сразу понял, что это: тонкий, высокий, на одной ноте. Собака. Она не лаяла и не выла, она скулила, прижавшись, должно быть, к самой двери, с той стороны. Скулила и скреблась, не наружу, а внутрь, в дом, просилась войти. Но войти не решалась: когти скребли по доске у самого низа, где щель между дверью и порогом.

Мужик в свитере отложил ложку.

— Отпусти её, — сказал он тихо жене.

— Не надо, — сказала Домна Игнатьевна.

Собака замолчала. В горнице стало слышно, как гирька шишкой стукнулась о стену.

Никита поднял стакан и сделал глоток. Чай был сладкий и

обжигающий. Холод в пальцах всё не проходил. Он подумал, что подпись, если её поставить здесь, у торца, расплывётся. Он не дотронулся до папки. Но слышал, как внизу, под полом, где-то глубоко, капает вода.

Он вышел во двор, когда женщины начали собирать со стола. Сказал в горнице, что хочет посмотреть двор, пока не стало совсем темно. Темно уже было. Хозяйка кивнула на дверь, не оборачиваясь, и никто за столом не поднял головы.

В сенях он остановился. Сапоги стояли у порога рядами, и он не стал смотреть на каблуки: до утра они никуда не денутся, а снег может не дождаться. Фонарь он достал из кармана плаща. Фонарь был китайский, на трёх батарейках, и давал жёлтое пятно размером с блюдце, которое на ходу прыгало по снегу.

Снег выпал два дня назад. Он лежал тонким слоем, в палец, а сверху его прихватило морозом, и наст хрустел под подошвой, как сухарь. Небо было низкое и без звёзд. Где-то далеко, в стороне Лунинца, прошёл товарный. Гудок дотянулся до деревни, растянулся и сошёл на нет. Потом остались только звуки дома за спиной: стук тарелок, приглушённый голос, скрип лавки. Они отставали с каждым шагом и через двадцать шагов стали такими, как будто доносились из-под одеяла.

Он прошёл мимо поленницы, мимо хлева, откуда пахло тёплой соломой и навозом, и вышел на огород. Капустные

кочерыжки торчали из снега рядами, как зубы. Тропинка была одна, натоптанная, к уборной, и он свернул с неё на целину. Фонарь выхватывал стебли, жердь забора, снова стебли. Забор в глубине участка провис, одна секция лежала на земле, и через неё давно ходили, не поднимая.

Колодцы стояли у самого забора, на расстоянии пяти шагов друг от друга.

Он увидел сначала новый. Тот был ниже, шире и светлее. Два венца из свежей сосны, ещё не успевшей посереть, лежали на земле квадратом, а внутри квадрата зияла яма. Рядом громоздилась куча жёлтой глины, присыпанная снегом с одного бока. В глине торчала лопата, вогнанная по самый черенок, и черенок был отполирован ладонями до блеска. Рядом с лопатой лежало ведро, вмёрзшее дном в землю.

Он посветил в яму. Метра три, не больше. Стенки из глины, жёлтые, с отпечатками лезвия: рыли ровно, снизу вверх, ступеньками. На дне лежала горсть сухих щепок и больше ничего. Глина была сухая даже на вид, она осыпалась мелкой крошкой, когда он посветил по краю. Воды не было, и ничто не говорило, что она тут когда-нибудь появится. Сергей остановился, не дойдя до воды, и бросил.

Он перевёл луч на второй колодец.

Старый сруб потемнел от времени до цвета мокрой коры. Венцы были дубовые, толстые, в обхват двух рук, с выбранными пазами, и торцы бревен, выходивших в углах, расщепились от мороза и дождей на длинные волокнистые лохмы.

Сруб поднимался над землёй на высоту пояса. Сверху, поперёк, лежали две доски, не струганые, шириной в ладонь с лишним, а на досках, ровно посередине, лежал камень.

Камень был полевой, серый, плоский, величиной со стол на двоих. Такие выпахивают из земли плугом и стаскивают к меже. Чтобы поднять его на сруб, нужно было четверо мужиков, и четверо мужиков должны были при этом знать, зачем. Снег лежал на камне ровно, без вмятин и проплешин, и тёк по краю к доскам белой кромкой. После первого снега камень никто не трогал.

Он обошёл сруб кругом. Доски были прибиты к венцам по концам гвоздями, и шляпки гвоздей блестели, ни одна не успела заржаветь. Четыре гвоздя на каждый конец, вбитые косо, наспех, с вмятинами на дереве от промаха. Сергея вытащили, потом доски положили, потом прибили. Потом притащили камень. Он не знал, сколько всего прошло между первым и последним, и не стал гадать. Он присел на корточки у основания сруба и стал смотреть на землю.

Земля здесь была двух слоёв.

Нижний слой он узнал сразу, потому что видел такое десятки раз: размешенная грязь, схваченная морозом в гребни и колдобины. Топтались много и торопливо. Следы налезали друг на друга, сапоги, резиновые и кирзовые, потом снова сапоги. От сруба к дому тянулась борозда шириной в две ладони, неглубокая, с двумя глубокими ямками в начале. Так остаётся, когда тащат за подмышки тяжёлое тело, а пятки

волочатся по земле и цепляются. Борозда шла к забору, там сворачивала, ныряла под упавшую секцию и пропадала на дорожке. Всё это застыло. Всё это было девять дней назад.

Потом выпал снег, и поверх, уже по снегу, шёл второй слой.

Он навёл фонарь ниже, почти к самой земле, чтобы тень подчеркнула края. Следы были чёткие. Края остро обломаны, дно уплотнено, и на дне, там, где подошва продавила снег до земли, проглядывал серый ком старой грязи. Сапог мужской, большой, сорок третий или сорок четвёртый, с рифлёной подошвой и широким каблуком. На левом каблуке стояла набойка: полумесяц из железа, с тремя гвоздями по дуге. Он видел оттиск каждого гвоздя в снегу, три точки, острые, как проколы.

Правый каблук был чистый.

Следы начинались у самого сруба. Человек стоял тут, здесь снег был сбит в плотную площадку, и можно было различить, что он переступал с ноги на ногу. Потом он пошёл прямо через огород, не по тропинке, а напрямик, в сторону межи. Шаг ровный, широкий, не хромой. Левая нога вдавливала землю чуть глубже правой. У человека, который всю жизнь носил такие каблуки, так бывает.

Он пошёл вдоль них, не наступая, шаг за шагом, держа фонарь в стороне, чтобы не залить светом.

Шестьдесят шагов. Межа здесь была не канава, а полоса слежавшейся травы между двумя участками и поваленные

колья с обрывками проволоки, тоже припорошенные. Посредине межи, на уровне забора, лежал межевой камень, мелкий, с голову, вросший в землю наполовину. Следы дошли до него и остановились. Вокруг камня снег был растоптан в кольцо, как будто человек ходил вокруг него, не зная, куда встать. В одном месте лежал на боку окурок без фильтра, отсыревший, жёлтый от слюны. Он не поднял его. Запомнил: «Прима», без фильтра.

Потом следы пошли обратно. Он убедился в этом по каблуку: набойка теперь смотрела другой стороной, и шаг стал короче, а отпечатки глубже, левый ещё глубже, чем раньше. Человек возвращался налегке или тяжело нагруженным. По одним следам этого не скажешь. Обратные следы пришли к срубу, стали в ту же утоптанную площадку, повторили её, и на этом всё. От сруба к дому ничего не вело. Ни тропы, ни одного отпечатка в сторону хаты. Кто бы это ни был, он не заходил на двор с улицы и не уходил на улицу. За межой снега не было вовсе, там начиналась зябь, ветер слизал её до чёрной земли, и следы терялись на этой черноте, как будто их никогда там не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.